

Живет в Воронеже (Россия).

СТРАНСТВИЯ ДУШИ

Странствия души

Когда душа перешагнёт за край
Тревожно мнимых очертаний мира,
поэзия, терпи, не умирай;
не плачь навзрыд, покинутая лира.

Душа вернётся исповедью сна,
улыбкой тайной от иных созвездий,
по-прежнему загадочно честна,
по-новому слагая «буки-веди».

О, странствия незримые в ночи...

Мелькнет сомненьем тень у изголовья,
легки крыла и празднично горчит
иных времён привкусье и присловье...

Легенда Окинавы

Под Андреевским флагом не раз он ходил в Окинаву
На погонах звезда, офицерская грудь в орденах,
Светел путь впереди, далеко до Цусимы кровавой,
И судьба на ладони узлами не заплетена.

Кто же там, в небесах, у морей изменяет теченья,
Кто забросил верёвку спасения - на острова?
Не надёжны компАсы и карты в плену... наважденья,
Если вишни белы - и в стихах расцветают слова.

Синей сливой упал в изголовье возлюбленной вечер,
Улыбнись, мусумэ*, развивая сплетение кос!
Он по-русски любил, молодую надеждой отмечен,
Расцветал орхидеей, послушный красавице, холст.

Ни сокровищ, ни денег, ни славы не жаждут их души,
Пусть был мутен прибой, но отлив обнажил жемчуга.
Иероглиф любви - штрих по белому чёрною тушью,
И в морской глубине неразлучны навек берега.

По легенде, юный русский мичман полюбил японскую девушку. Эту любовь они пронесли сквозь беды войны, революции и нищеты. Спасая честь старого адмирала, Окини-сан бросается с ним в море.

**Мусумэ – «временная жена». Морские офицеры, при длительных стоянках в портах Японии, брали «жен по контракту».*

***Окинава – в переводе на русский означает «верёвка в открытом море»*

Баллада о городе

Нет, я не видел Рим и пресвятого Папу,
в Палермо не бродил под тенью старых крыш,
из детства помню я - Москву, метро, Анапу,
и знаю - никогда не попаду в Париж.
Но всё же место есть, куда идти поэту:
петляет и манит тропинка, не спеша, -
в безвестный город Эн, по гоголевским метам,
где, как и встарь грустит российская душа.

Там все дома давно вросли по пояс в землю,

и веером застыл растрёпанный забор,
сосновый русский дух живёт за старой дверью,
пусть без замков та дверь, но служит до сих пор.
В домах, я знаю, есть иконы не для моды,
лампадой освещён семьи нехитрый быт,
исподнее времён ещё хранят комоды,
а пчелка между рам о вечности жужжит...

Там бабушки поют про юного корнета,
а дедушкин мундштук махорочкою жёлт,
и строгий домовой стирает пыль с портретов,
не ведая имён, их лики бережёт.
Живи, мой город Эн, не в золоте, но в хлебе,
пусть беды от тебя укатятся волчком,
поэтом прежде я гулял под синим небом,
в свой город возвращусь хранителем-сверчком.

А может, повезёт и с тройкой разудалой
я отзвеню светло весёлым бубенцом,
та колея сойдет весною запоздалой
и мой прощальный след растает леденцом.

[Страница автора в сети](#)

